

Вторая половина ее предложения осталась незаконченной, так как внезапно раздался оглушительный рев аплодисментов и крики, требующие выхода на бис. Оказывается, Цинь Лао-Бан закончил петь, и те, кто заплатил за вход, бросали деньги, цветы, кошельки, нефритовые подвески, все, что у них было, на сцену, наполняя все здание аплодисментами и радостью. Увидев это, Сяо Фэн Ву тоже захлопал в ладоши и крикнул “хорошо”. Он бросил этот веер через толпу на сцену, приземлившись прямо у ног человека.

Увидев это, лицо дамы тут же слегка изменилось. Она отступила на шаг, и когда Сяо Фэн Ву пришел в себя, он потянул ее за руку:

“Миледи, куда вы направляетесь? Я слышал о словах, которые вы только что произнесли, и я не могу поверить, что такой никчемный человек, как я, мог завладеть сердцем девушки, занимающей столь высокое положение. В будущем я буду.....”

Эта дама тут же взмахнула рукавом, отмахиваясь от него. Ее отношение, без всякой причины, холодно изменилось,

“Гун-Цзы, ты, должно быть, шутишь. Эта дама здесь принадлежит к развлекательному заведению, и я не смею пытаться подняться выше своего места.”

Значит, это была дама из развлекательного заведения. Неудивительно, почему она была готова так близко поговорить с мужчиной под ярким сияющим небом.

Сяо Фэн Ву нахмурился и не отпустил:

“Мы с тобой примерно одинаковые. Я не возражаю.”

“Вы не возражаете?”

Брови леди склонились вниз, придавая ей пылкое отношение:

“Это старая как мир сказка о том, что люди будут смеяться над теми, кто беден, а не над теми, кто занимается проституцией. Хотя у меня более низкое происхождение, я все еще могу зарабатывать на себя. В отличие от тебя, который даже не может ни поднять руки, ни использовать их. Я боюсь, что вы просто умрете с голоду на случайной улице. С чем ты не будешь возражать против меня?”

После этого она внимательно посмотрела на его лицо и улыбнулась, не имея ни малейшего представления о том, что означает улыбка,

“Возможно, мы даже увидимся позже в Цуй Юнь Гуань!”

Цуй Юнь Гуань был самым большим местом Янь Чэна для худших видов деятельности. Женщины, мужчины, любой тип был бы там. Она тонко издевалась над Сяо Фэн Ву, что ему придется продать свое лицо, чтобы жить дальше, оклеветав его даже без единого проклятия.

Сяо Фэн Ву хлопнул в ладоши:

“Ах, ах, ах, какая отличная идея. Боюсь, я только украду бизнес миледи.”

“Тьфу!”

Дама плюнула в него перед уходом.

За кулисами в Sheng De Lou Цинь Мин Юэ сидел перед зеркалом и снимал краску с лица. Молодой мальчик-слуга в настоящее время пытался упаковать и пересчитать все подарки, которые зрители бросили на сцену. Он деликатно и тепло сказал:

“Цинь Лао-Бан, это сегодняшние призовые доходы”.

Там было золото, серебро и нефрит, даже целое жемчужное ожерелье. Последнее, вероятно, было от жены какого-нибудь высокопоставленного чиновника, которая подбросила его, но среди всех этих подарков был веер, который казался таким неуместным. Его углы были закругленными и блестящими, выглядя как любимая вещь, о которой очень заботились. Его мастерство было детализированным и несравненным, он не выглядел как обычный предмет, который можно подарить.

В основном все эти актеры были выходцами из бедных семей или детьми из низшей касты. С самого детства они обучались искусству у мастеров, о которых заботились. От жизни до смерти они слушались своих опекунов. Они начинали с небольших обязанностей - прислуживать своему учителю и учителю, подавать им еду и напитки и убирать за ними. Затем они начинали практиковаться и привыкать пользоваться своим горлом. Пение, декламация, актерское мастерство, борьба - они научились всему. Но в большинстве случаев, еще до того, как они сделают себе имя, их продавали высокопоставленным чиновникам и они становились их “любимчиками”. В глазах других они были всего лишь игрушкой. Даже если бы их “разыграли” до смерти, никому было бы все равно.

Молодой мальчик-слуга смотрел на Цинь Мин Юэ с невыразимой завистью, когда он вдруг увидел, что пара невыразимо красивых глаз феникса внезапно расширилась, когда он посмотрел на веер.

Рукава Цинь Мин Юэ тут же в гневе задралась, отправляя все золото и деньги на пол, только держась за этот веер смертельно крепкой хваткой, почти сломав его пополам.

Веер был открыт с надписью “хуа”, и сразу же можно было заметить штамп 31 от Чжан Дао

Цяня и даже сообщение о том, когда он был подарен Сяо Фэн Ву.

Сяо Фэн Ву!

После стольких лет он думал, что все превратилось в дым. Кто бы мог знать, что простой бумажный веер может так легко рассеять его мысли.

В глазах Цинь Мин Юэ горел злобный блеск, и он мертвой хваткой вцепился в свои трясущиеся руки. Холод начал проникать в его кости и суставы, заливая бледной бледностью это прекрасное лицо, воспоминания наполняли его, как будто он вернулся в те холодные, холодные годы, в самое начало.

“Шестнадцатый Мастер уже сказал, покиньте поместье. Куда бы ты ни хотел пойти, тогда иди. Просто больше не появляйся перед ним.”

"Нет! Я не верю в это, дайте мне увидеть его! Позвольте мне увидеть Шестнадцатого Мастера!"

Другой плюнул в него:

“Верите вы или нет, это не имеет значения. Презренная низшая каста оперного певца, неужели ты действительно думал, что приобрел какой-то высокий статус?”

Темно-красная боковая дверь была закрыта слугами, и он бросился вперед, чтобы заблокировать ее, но его ладонь была сжата до тех пор, пока не хлынул водопад крови. Затем его сильно пнули в снег, и кровь хлынула у него из горла, заставив его откашляться.

Он держался за свою руку, кости которой были раздроблены от удара, и поднялся обратно. Он не мог в это поверить, он не мог в это поверить.

Самым ожидаемым учеником Ко Ю Цзюня был Цинь Мин Юэ, и у него хватило духу передать ему мантию. Когда Цинь Мин Юэ впервые перешла на сторону Сяо Фэн Ву, Коу Ю Цзюнь был действительно беспомощен, и когда семья Сяо послала людей, чтобы забрать тело Цинь Мин Юэ, умершего 32, Коу Ю Цзюнь спросил Цинь Мин Юэ.

“Если ты хочешь, я отдам им документ на твое тело. Если вы не хотите, я испытываю к ним какое-то слабое уважение, чтобы они не пытались нас принуждать. Я могу сказать, что потерял его”.

В то время Цинь Мин Юэ был еще маленьким мальчиком, и он определенно выглядел очень молодо, но в нем была какая-то злая красота. С таким выражением лица он опустил на колени и трижды тяжело опустил голову на землю, прежде чем сказать,

“Твой ученик недостойн того, чтобы предавать твои надежды. Пожалуйста, отдайте мой документ Шестнадцатому Мастеру”.

спросил Коу Ю Чжун:

“Это ради богатства или престижа?”

Цинь Мин Юэ выпрямил спину:

“Это не ради денег, а ради моего собственного сердца”.

“Я знаю, что мое происхождение дешевое и недостойное, и я ни на что не надеюсь, когда меня отправят в семью Сяо. Но жизнь такова, жив я или мертв, мне придется продолжать. Я просто никогда не мог ожидать, что Шестнадцатый Мастер будет так искренне добр ко мне от всего сердца, никогда не обращаясь со мной как с недостойным человеком, которым я являюсь с таким происхождением.....”

“Когда я болел, он заботился обо мне, даже не переодеваясь. Он был наказан Лао-тай-е, простояв на коленях под дождем всю ночь, но он не сказал мне ни единого слова и никогда не сердился на меня. Я прожил суровую и бедную жизнь, без всякой доброты или добродетели, поэтому я не могу просить ни о чем в этой жизни. Я только хочу провести с ним остаток своей жизни”.

Коу Ю Цзюнь посмотрел на него, не рассердившись и не расстроившись. В конце концов он только вздохнул и закрыл лицо руками, прежде чем сказать:

“Это жизнь.....”

Думая об этом сейчас, я понимаю, что в этих словах было слишком много эмоций.

Обычные простолюдины, не имеющие ни репутации, ни денег на своей стороне, заболев посреди заснеженной земли, уже замерзли бы насмерть.

Сгорая от такой высокой температуры, все тело Цинь Мин Юэ казалось затуманенным и туманным, почти горящим до такой степени, что его горло было повреждено. Но внутри его сердца горел еще больший огонь, горел и горел до тех пор, пока все его органы не начали болеть, что никогда не прекращалось и давало ему силы преодолеть тот зимний день.

Смыв все, обнажив это холодное и ледяное лицо, Цинь Мин Юэ спрятал веер в рукавах.

Выйдя из Шен-де-Лу, только что спустилась ночь, и под мощными ступенями горел слабый ледяной свет. Прямо рядом с китайским сальным деревом стоял человек, одетый в белое,

лениво слонявшийся без дела, как будто он дремал.

Цинь Мин Юэ убрал выражение со своего лица и положил руку, держащую веер, за спину. Его глаза были ледяными, когда он подошел. С его телом в большой грации и форме, движения его одежды были чрезвычайно прекрасны, как у ангела с небес.

“Шестнадцатый Мастер, почему ты бросил свой веер? Если я не ошибаюсь, это ваша любимая вещь.”

Лепесток цветка упал на кончик его носа, заставив Сяо Фэн Ву чихнуть. Он открыл глаза и, увидев холодную улыбку на лице собеседника, замер в шоке. Затем его брови драматически приподнялись, и он снова поднялся с пола. Без всяких колебаний он схватил друга за руки и воскликнул с большим потрясением:

“Мин Юэ?! Это действительно ты, Мин Юэ?! Сколько времени и усилий прошло с тех пор, как я пытался найти тебя, я действительно не могу поверить, что это ты!”

Он потянул Цинь Мин Юэ за руки, не торопясь, чтобы через несколько мгновений заплакать, как река. Те, кто слышал его, чуть не плакали вместе с ним от боли, которую он излучал. К счастью, было время обеда, и на улицах было не так много пешеходов, так как в противном случае вокруг них собралась бы толпа, чтобы посмотреть на это зрелище.

Услышав это, лицо Цинь Мин Юэ слегка изменилось, и он отдернул руку. Улыбку на его лице больше нельзя было сдерживать, и он холодно сказал:

<http://bllate.org/book/17367/1629040>